

Премия не стала переломным моментом в жизни обитателей грасского Бельведера, как на то надеялись и Кузнецова, и сам Бунин: «Живем мы по-прежнему, — пишет она, — и разговоры о том, что денег мало и надо экономить, ведутся в доме по-прежнему» (с. 368). Скорее наоборот, она привела к ускорению того, что Кузнецова назвала «распадом грасской жизни».

В чем же состоит *особенность* рассказов близких Бунину людей о нобелевской поре его жизни? Может быть, лучший ответ на ее истоки можно найти в воспоминаниях З. А. Шаховской, которая безошибочно уловила сложную обстановку Грасса тех лет: «Издали кажется чем-то противоестественным существование некоего писательского общежития. (...) А в Грассе по крайней мере три писателя (точнее — четыре, если иметь в виду профессиональные занятия литературным трудом. — И. Б.) под взглядами мемуаристов — среди которых первая Вера Николаевна — были связаны не только личной жизнью, но и профессиональной. (...) Все четыре участника грасского периода были люди хорошие, и поэтому-то все и мучились, каждый по-своему».⁵¹

Именно нобелевские дни, одно из самых важных событий в европейской культуре, случившееся в жизни Бунина и его близких в 1933 году, вызвали к жизни необычные письма-дневники и дневники «с оглядкой», учитывающие, что живущий рядом непременно расскажет о том же, и, следовательно, неизбежно будут удвоения, и поэтому позволительно, избегая их, опустить некоторые подробности событий, и можно незаметно для других, дальних, поспорить с теми, кто разделяет твое знание.

⁵¹ Шаховская З. В поисках Набокова. Отражения. С. 210.